

В.А. Аракчеев

ПСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1650 ГОДА:

РОЖДЕНИЕ БУНТА ИЗ АНТИНОМИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЗНАНИЯ

Восстание в Пскове принадлежит к числу таких событий отечественной истории, в объяснении которых поныне преобладают стереотипы позитивистской методологии. Фундаментальное исследование истории восстания было выполнено М.Н. Тихомировым еще в 1935 г., и время властно наложило отпечаток на книгу ученого¹. Для своего времени М.Н. Тихомиров создал уникальную работу, основанную в основном на архивных источниках, а изложенные в ней выводы были обоснованы в результате серьезного исследования. Но фундаментальный характер труда М.Н.Тихомирова, а также локальный характер изученной проблемы стали причиной того, что десятилетия спустя его исследование остается единственной попыткой осмыслить драматичные события 1650 г.

Между тем, за истекшие годы исследовательская ситуация в отечественной исторической науке кардинально изменилась. XVII столетие представляется уже не просто «бунташным веком» или временем формирования всероссийского рынка, но сложнейшей переходной эпохой, соединившей в себе черты средневековья и нового времени. Из наиболее значимых исследований последнего времени отметим, во-первых, работы В.Н. Козлякова, посвященные истории служилого сословия, в результате которых стала ясна громадная роль в политической жизни страны, которую играло дворянство и его специфическая организация – «служилый город»². Во-вторых, в анализе социально-экономических отношений этого времени первостепенное значение имеют работы Л.В. Милова, в которых впервые в отечественной науке поставлена проблема особенностей развития предпринимательства в России и преобладания в ее экономике «неадекватных форм капитала»³.

Аракчеев Владимир Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Псковского пединститута им. С.М. Кирова

Все это делает настоятельно необходимым вернуться к рассмотрению проблемы городских восстаний середины XVII в. Во-первых, очевидно, что вряд ли нужно искать в социально-экономической жизни России этого времени новые явления, свойственные капиталистической экономике. Вопреки тому, что писал М.Н.Тихомиров, псковские сотни ни в коей мере не несли в себе черт цехового строя, а были обычными административно- территориальными единицами⁴. Таким образом, классовая борьба, которую вели псковичи, парадоксальным образом почти не соприкасалась с собственно проблемами городской экономики как таковой. Само восстание в большей мере было противостоянием провинции и столицы, где характер претензий определялся степенью насилия, применяемого центром для достижения своих целей.

Как пишет Ж. Дюби, «изучение политической сферы в настоящее время – это не исследование простых сцеплений причин и следствий, как во времена позитивизма, а стремление рассмотреть всю совокупность многочисленных факторов, приводящих к событию и обуславливающих расстановку сил»⁵. Наиболее интересной для нас представляется проблема начала восстания: тех пружин, которые привели в действие взрывной механизм бунта.

Здесь необходимо описать политическую ситуацию 1649-1650 гг. Основные требования посадских и служилых людей, выдвигавшиеся в ходе восстаний 1648 г., были выполнены. Было осуществлено прикрепление крестьян к личности землевладельца, посадские люди получили монопольное право торговли в городах, и одновременно начался сыск закладчиков и беглых. Таким образом, правовое положение и дворянства, и посажан существенно улучшилось. Поэтому не будет слишком натянутым вывод о конъюнктурном характере Псковского восстания 1650 г., вызванного стечением обсто-

ятельств, отнюдь не случайных, но и не судьбоносных. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы детально выяснить ход событий, который сделал начало восстания необратимым.

Социально-политический кризис в Пскове можно изучать, используя разные методы. М.Н. Тихомиров в свое время применил позитивистский подход к исследованию восстания. Очевидно, что существовали рациональные причины для недовольства и само восстание разворачивалось на вполне рациональной основе. В частности, составшими была создана исправно действовавшая система управления и правильная организация делопроизводства. Но возможен и другой подход к изучению восстания, используемый в нашем исследовании.

Я делаю попытку изучить иррациональные основы Псковского восстания, ставшего возможным и по причине неадекватного обмена информацией. Анализ своих действий восставшие предприняли уже спустя полтора месяца после начала восстания. В середине апреля 1650 г. в Земской избе, где заседали представители от разных чинов городского населения, была составлена Большая челобитная, адресованная царю. 12 мая челобитная была подана Алексею Михайловичу, а уже 19 мая челобитчикам была передана ответная царская грамота за приписью думного дьяка Михаила Волошенинова⁶. Анализ этих текстов, составленных по горячим следам событий, способен пролить свет на глубинные причины конфликта, коренившиеся не только в сущностных противоречиях, но и прежде всего в мировоззрении, ментальности русского общества XVII в.

Ж. Дюби и Р. Мандру понимали под ментальностью систему образов и представлений, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и определяют поступки и поведение людей. Менталитет общества определяется, во-первых, фундаментальными основаниями идеологии, религиозных верований. Во-вторых, основой ментальности общества и человека являются условия существования, связанные с производством или геополитической ситуацией. Для исследования долговременных тенден-

ций в развитии общества (или социальных структур) первостепенное значение имеют явления, связанные с производством и системой распределения продовольствия. В изучении же событий (или, иначе, конъюнктуры) основополагающую роль играют информационные системы: способы передачи и хранения информации, а также быстрота и качество ее обработки, осмысления.

Ж. Дюби подчеркивает самодовлеющее значение информации, к которой открывает доступ изучение события, поскольку «высказывания современников по поводу события приподнимают завесу над обычно скрытыми структурами..., внутри которых разразился и на которых сказался кризис»⁷. Как пишет Б.А. Успенский, «в семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата (социума)»⁸. Собственно, задача настоящего исследования и состоит в выяснении того, как воспринималась информация в Пскове и какие выводы делали из ее осмысления горожане.

«Норовят все вместе в Немцы»

В 1617 г. между Россией и Швецией был подписан мирный договор, по которому побережье Финского залива переходило в руки шведов. Но как быть с православным населением уступленных Швеции районов? По договору все жители побережья могли уйти в пределы России в течение двух недель; оставшиеся становились шведскими подданными и считались перебежчиками, и в случае ухода в Россию их надлежало выдавать обратно. Само собой разумеется, что у большинства людей не было желания бросать дома и пожитки и уходить на Родину не солоно хлебавши. Поэтому подавляющее большинство русских, ижорцев и карел предпочли остаться на своей земле до лучших времен. С течением времени крестьяне продавали свои дворы и уходили за границу, причем за тридцать лет таких перебежчиков набралось не менее 50 тысяч.

Шведы регулярно напоминали русскому правительству о необходимости выдавать перебежчиков, но в Москве предпочитали тянуть время. Наконец, в 1649 г. посольство Бориса Пушкина и дьяка Алмаза Иванова, стремясь избежать эскалации конфликта, пошло на уступки шведам. Выдать перебежчиков было нельзя ни по социальным, ни по профессиональным мотивам. Разве можно возвращать православных под власть «безбожных» лютеран? Как впоследствии объясняли суть дела в царской грамоте от 19 мая, «для избавленья тех христианских душ, чтоб они в люторской вере не были», в Москве решили откупиться и за перебежчиков договорились выплатить шведам 190 тыс. рублей. Помимо этого, в Москве обещали организованно продать в Швецию 12 тыс. четвертей ржи по той цене, по которой будут в это время покупать зерно на псковских рынках.

«Хлебное дело» было поручено Федору Емельянову с негласным поручением - поднять цены на хлеб в Пскове. Но зерна в Псковской земле было недостаточно, и большую часть хлеба (10 тыс. четвертей) правительство решило взять из стратегических запасов – «житных клетей» в Кремле. Операция «хлеб в обмен на православных» началась в феврале 1650 г. и вызвала рост цен на хлеб в полтора раза и взрыв общественного недовольства, которое исподволь вызревало в пограничном городе.

От шведов в Пскове не ждали ничего хорошего, поэтому всякий «немец» воспринимался как враг и шпион. В составе посольства Пушкина находился иностранец, служивший в России – Александр Краферт, которому было поручено оценить боевые возможности псковской крепости. Впоследствии псковичи писали в челобитной, что «тот немчин Александр по городской стене ходил, и около всего города Пскова нарядов, и боев, и слухов, и всякой городской крепости выматривал, и наряд мерил, длину и ширину и писал, и около города шупами землю шупал, а неведомо для чего; и с теми послы тот немчин Алексадр и в Стеколно (Стокгольм) ездил»⁹. Особую тревогу вызывали частые контакты немецких купцов, останавливавшихся в Гостином дворе на Завеличье, с

псковскими воеводами: «с немецкого двора торговые немцы во Псков к твоим государевым околничим и воеводам на подворье с лошадами приезжают и в хоромы ходят, а о чем они с ними советуют, и мы того не ведаем».

Иностранцы были частыми гостями в Пскове, но всякие контакты с ними тем не менее считались делом предосудительным. Федор Емельянов, которому правительство поручило осуществить закупку хлеба для Швеции, по мнению псковичей, «радеет немцам, а нашу православную христианскую веру похуляет, и тем он, Федор, государево крестное целование нарушил». В закупке зерна участвовал и новгородский купец Семен Стоянов, которого также подозревали в небескорыстных связях с шведами. «А во всем, государь, - писали псковичи в челобитной, - у него Федора дума с Семеном Стояновым, и норвят де все вместе в Немцы; а племянник де Семена Стоянова Ивашко Коломской поехал за немецкой рубеж в Ригу для вестей, а товару де повез с собою для прилики».

Подозрения горожан вызывали и переводчики, служившие в псковской Съезжей избе, о чем псковичи писали в большой челобитной: «Да в твою ж, государь, отчину во Псков присылают к нам некрещеных переводчиков, а в твоей государеве отчине город Псков с пригороды и уезды стал на литовском и на немецком рубежах; и будучи, государь, у нас, те некрещеные переводчики из Пскова ходят на немецкой гостин двор и у немец крестят дети и с своими женами и з детьми с немцы пируют..., и о всяких твоих государевых вестовых делах, что ни делается в твоём государеве Российском государстве, розказывают, и за рубеж пишут и совет держат»¹⁰. Подозрения в измене, в силу недостатка информации, падали на всех тех, чья деятельность в той или иной степени проходила втайне от мира.

« В народе слово пронеслось »

Современному человеку трудно представить, насколько жадно глотали информацию люди в эпоху средневековья. Новости приходили по разным каналам, отчасти официальным: на рыночной площади подъячие

зачитывали царские указы. Но чаще источником информации был любой приезжий человек; сказанное им передавалось из уст в уста, обрастая порой фантастическими подробностями. В общем народ был информирован не только о свершившихся событиях (объявлении войны или заключении мира), но и о готовящихся акциях. В Пскове же, как городе пограничном, все эти сообщения приобретали особую актуальность. Горожане прекрасно помнили о нападении на Псков шведского короля Густава-Адольфа в 1615 г. и с жадностью ловили известия из-за границы.

Посольство Бориса Пушкина в декабре 1649 г. возвращалось из Швеции через Псков. Члены посольства, видимо стремясь приукрасить свои достижения, не раскрыли в частных беседах с подьячими Съезжей избы результатов переговоров, и известия о них стали обрастать слухами. Как писали впоследствии псковичи в Большой челобитной, обращаясь к царю, «от тех, государь, послов во Пскове в народе слово пронеслось, что они упословали твоим государевым счастьем и умолением, - королева, де, твои государевы города, казну и людей тебе, праведному государю, все отдает, и перебежиков, которые из свейского рубежа перебежав живут в твоей государеве стороне в Руси, а что денежные и хлебные твоей государевы казны отдачи за немецкий рубеж, и про то, государь, ничево не сказывали. И ныне, государь, те их посолские слова нам, богомолцем и холопом и сиротам твоим, всяким жилецким людем во Пскове учинились лживы, потому что ныне твою государеву денежную и хлебную казну и перебежчиков отдадут за рубеж Свейские земли немцам, и твоими государевыми городами оне владеют»¹¹.

Из цитированного фрагмента хорошо видны умонастроения псковичей: народ ждет от правительства защиты национальных интересов, а бояре с дьяками их не защищают, да еще скрывают от людей правду. В Москве не смогли внятно объяснить свое дипломатическое поражение даже спустя три месяца после начала восстания, и в царской грамоте от 19 мая псковичам было заявлено: «...мы, великий государь, з божьею помощью ведаем, как нам, великому государю, госу-

дарство свое оберегать и править»¹². Формула самодержавного правления, обычно оказывавшая гипнотическое воздействие на подданных, была бессильна в оправдании ошибок государственного управления.

«Воровской завод и во граде мятеж»

Беспорядки в Пскове начались не позднее 24 февраля 1650 г., и уже 26 февраля представители посадской общины приходили на двор воеводы Никифора Собакина с просьбой задержать выдачу хлеба шведам из «государевых житниц» – стратегических запасов в Кремле. Не добившись внятного ответа, псковичи обратились к посредничеству псковского архиепископа Макария. Встреча главы администрации, главы церкви и «всего города» состоялась на площади у Троицкого собора 27 февраля. Из того, как восставшие впоследствии излагали ход событий в Большой челобитной, выясняется, что толпу горожан возглавляли «лучшие люди», в числе которых были земские старосты во главе с Семеном Меншиковым и Иваном Подрезом: «Мы всем градом, как учили ему о том твоём государеве хлебе со слезами бить челом, чтоб он из города того кремского твоего государева и купного хлеба свейским немцам не выдавал, и твой государев околничей и воевода Никифор Сергеевич Собакин, вшед к Соборной церкви на папертную ступень, и учал нам богомолцам и холопом и сиротам твоим, всему миру, угрожать: хлеб де я против твоей государевы грамоты отдам немцам, а не вам, псковичам; вы, де, псковичи, изберите из вас лутчих людей, кого из вас повесить. И угрожаючи, он от соборной церкви пресвятые Троицы и пошел к твоему государеву богомольцу и учал он околничей всему миру угрожать ссылкою»¹³.

Собрание на соборной площади и подача коллективной челобитной были для псковичей важной и в то же время рискованной акцией. С одной стороны, это была важная стадия выработки общественного мнения, когда даже сомневающиеся в необходимости конфронтации с властью могли окзаться под мощным прессингом со стороны

общности и ее лидеров. Как удачно подметил П.Ю.Уваров, «на этой стадии могли действовать механизмы как социально-психологического «заражения», так и заражения суггестивного: человек улавливал настроение окружающих или подражал лидеру»¹⁴.

С другой стороны, подобные коллективные действия были противозаконны и попадали под статьи только что принятого кодекса – Соборного уложения 1649 г. В царской грамоте от 19 мая содержалась пространная цитата из уложения: «А кто учнет на наших государевых бояр и околничих и думных и ближних людей и в городех и в полках на воевод и на приказных людей или на кого ни буди приходити скопом и заговором и учнут кого грабити или побивати, и тех людей, хто так учинит, за то потому ж казнить смертью безо всякие пощады»¹⁵. Немаловажное значение имело также упоминание воеводой Собакиным ссылки как возможной репрессивной меры против восставшего «мира».

Эта угроза была не пустой и несла глубокий смысл для псковичей, которые в XVI в. как минимум дважды подвергались высылке из города на восток страны. Первый «вывод» был осуществлен в 1510 г. в момент присоединения Пскова к Москве, когда из города были высланы не менее 300 семей бояр и «житых людей». Второй раз псковские гости были депортированы в Москву и другие города Замосковского края в 1571 г. после разорения столицы армией крымского хана. Удаление из пограничного торгового города и угроза смертной казни были последними доводами в дискуссии московской администрации с восставшим городом.

По мере разрастания противостояния возбужденное общественное мнение порождало новые мистификации. Главной из них были слухи о грядущей войне с Швецией, и по источникам легко проследить, как генерировалась эта идея. 28 февраля через Псков проезжал шведский посол по особым поручениям Логин Нумменс. Кортёж посла объезжал город вокруг крепостной стены, но на льду Великой у Власьевской башни был задержан отрядом стрельцов и возбужденной толпой посадских людей. В ходе начавшегося импровизированного допроса Нумменс,

видимо, предъявлял документы, называл имена московских чиновников, в частности боярина Морозова, старался предупредить возможную расправу угрозами со стороны Швеции. Но каждое слово Нумменса воспринималось как доказательство его антирусской деятельности и интерпретировалось вопреки намерениям посла. Впоследствии в Большой челобитной псковичи так описывали «речи» задержанного Нумменса: «Он же Логинко говорил: дал де нам тое твою государеву денежную казну на Москве твой государев боярин Борис Иванович Морозов без твоего государева ведома, и с Москвы де его отпустил с тою казною в шестом часу ночи. И о те поры спросил тот немчин Логинко псковского гостя Федора Емельянова и говорил: как де мы в Свейскую землю твою государеву денежную казну и хлеб вывезем, и мы, де, свейские немцы, будем подо Псковом. Да он же, Логинко, всему народу сказывал, что де наша королева с своими подданными у себя немец войско собирает и иных земель немец же в помощь наймует, а иные де и понаянты есть, и взяв де ей королевы твоя государева казна, и отдать наемным немцам, а немцы де, у ней взяв хлеб и деньги, пойдут войною под твои государевы вотчинные города, под Великий Новгород и подо Псков и под иные города, а то де все твои государевы послы Борис Иванович Пушкин с товарищи свейские королевы приваживали, и такую твою государеву большую казну, денги и хлеб отдали, и перебежчиков на собя, что под твои государевы города нанять немец иных земель для войны»¹⁶.

Без всякого сомнения, дипломат и коммивояжер Нумменс не мог говорить такие «речи», но для нас важно подчеркнуть, какие выводы сделали псковичи из путаных объяснений испуганного посланника. При Нумменсе обнаружили деньги: часть контрибуции за перебежчиков; Нумменс ссылался на скупавшего хлеб Федора Емельянова, и в сознании восставших горожан эти разрозненные факты замкнулись в логическую цепочку: хлеб и деньги отправляют за границу бояре и купцы для того, чтобы шведская королева смогла собрать наемную армию для похода на Псков и Новгород. Одновременно

из Кремля изымают 10 тыс. четвертей ржи, чтобы лишить город стратегического запаса на случай осады. Нумменс был немедленно арестован, и на следующий день во время квалифицированного допроса в Съезжей избе говорил уже другие «речи». На самом деле Нумменс говорил то же самое, но уже без угроз и в присутствии переводчика, однако миф о военной угрозе со стороны Швеции продолжал обрастать новыми фантастическими подробностями.

Новгородские вести

Аналогичная ситуация складывалась и в Новгороде, где 15 марта началось восстание посадских людей и стрельцов, причиной которого стал также «продовольственный кризис, возникший в связи с вывозом хлеба за границу»¹⁷. Новгородские события были в значительной степени спровоцированы начавшимся восстанием в Пскове. На это недвусмысленно указывал в письме боярину Б.И. Морозову новгородский воевода Ф. А. Хилков: «А и смуту, государь, большую в Новгороде завели от пскович же, потому что было в Новгород от них письмо, чтоб также учинить, как оне учинили». О связях новгородцев с восставшим Псковом говорил в своих расспросных речах и новгородский помещик Федор Негодяев, бежавший 7 апреля из Новгорода в армию Хованского. Как указывал Негодяев, «перед побегом де его, дни за два, прислали из Пскова всяких чинов люди в Великий Новгород в земскую избу заручную грамотку с казаки з двумя человеки да с двумя ж человеки с служками монастырскими, а имян их не ведают»¹⁸.

Но еще в конце марта неофициальная информация из Новгорода была для псковичей не только руководством к действию, но и источником новых мистификаций. 21 марта из Новгорода вернулся служка Снетогорского монастыря, который объявил «всему народу» новые «слухи». В Большой челобитной псковичи так передали речи служки Осипа: «...как твоя государева денежная и хлебная казна с Москвы будет, и они, де, свейские немцы, будут твою государеву отчину Великого Новагорода иматъ на Христов

день, а в Нове де городе указано на тот день богатым людем вина курить и пива варить и меды ставить безьявочно, а маломощных де государь людей велено поить из твоей государевой казны до пьяна, чтобы все были пьяны для того немецкого приходу. А Псков де иматъ на Троицын день»¹⁹.

На следующий день, 22 марта, псковский помещик Богдан Тимашев привез из Новгорода новые вести: «в Великом Новгороде молвою говорят в народе, что немцы будут под твою государеву отчину на Христов день, а под Новгород на Николин день». В ходе дальнейших обсуждений проблемы шведской опасности сложилось мнение, что крайней датой шведского вторжения будет Троица. По словам псковского помещика Никулы Перетрутова, «как де твоя государева казна придет с Москвы, и немцам было на те деньги наймовать людей, а иди де было под Великий Новгород и подо Псков на Христов день, или на Николин день и кончье под Троицын день».

Источником таких слухов часто становились сами иностранцы, а информация проходила через многих людей. Помещик Никула Перетрутов, вернувшийся из Москвы 26 марта, получил информацию из третьих рук: от некоего Сергея Путимцева, видимо, также помещика, который приехал в Новгород из Москвы вместе с «немцем риженином, а имени его он ... не ведает..., да того ж немчина человек в народе сказывал...»²⁰ Итак, источником информации был слуга немецкого купца из Риги, чьи суждения передал Никуле Перетрутову Сергей Путимцев. Нет ничего удивительного, что миф о шведской военной угрозе, так и не переросший стадию слухов, обрастал всякий раз новыми подробностями.

«Служба с травы, и с воды, и с кнута»

Значительное место в Большой челобитной было уделено проблемам служилых людей по прибору – стрельцов, казаков, пушкарей. По росписи 1647/1648 г. в Пскове насчитывалось 1300 стрельцов, сведенных в три стрелецких приказа. Положение стрельцов не было плачевным; они получа-

ли довольно высокое по тем временам жалование: рядовой стрелец из «новоприборных» получал 3 рубля денежного, а также 6 четвертей ржи и 6 четвертей овса хлебного жалования. Ветераны получали прибавку за службы, и денежное жалование «старого» стрельца составляло 4 рубля²¹. Но злоупотребления местной администрации сводили на нет усилия центральной власти. Во-первых, многим из стрельцов денежное жалование в 1648/1649 и 1649/1650 гг. давалось в половинном размере, а часть вспомогательного персонала была лишена его вообще. Во-вторых, схема выдачи денежного жалования была построена с сугубой выгодой для чиновников.

В Большой челобитной служилые люди писали: «А как государь во Псков твои жаловальные грамоты придут, и твои государевы околниче и воеводы и дьяки на твои государевы указные сроки того твоего государева денежного и хлебного жалования нам, холопом твоим, из твоей государевы казны не выдают, а дают, государь, то твое царское жалование они, нороя кабацким откупщиком, - под праздники, чтоб то твое государево денежное и хлебное жалование сложилось у них, кабацких откупщиков на кабаках, а от того, государь, оне, околниче и воеводы и дьяки емлют себе большие поминки»²². Таким образом, попытки воеводы и приказных нажитья путем получения взяток от кабацких откупщиков за выручку от пропитого стрельцами жалования в конечном итоге вызвали активное участие служилых людей в восстании.

К тому же, пытаясь отвести от себя обвинение в утайке жалования, чиновники распространяли как минимум две мистификации. Первая из них состояла в том, что государственная казна пуста. Как передавали псковичи в челобитной «речи» воевод и приказных дьяков, последние на все просьбы отвечали отказом со следующим мотивом: «...жаловальной де мы грамоты не слушаем, емлите де то, что мы вам указываем, будет де и того не возьмете, и мы де и того вам из твоей государевой казны не дадим, а бейте де челом о недодаче тебе государю на Москве; добры де жаловальные грамоты, да мы вам не дадим, потому что де исходит твоя государева казна на Москве немцам..., а вы,

де, природные, служите государю с воды, и с травы, и с кнута».

Приказные в данном случае имели в виду не только факт выдачи контрибуции Швеции за перебежчиков, но и начавшееся формирование полков «нового строя», значительную часть личного состава которых на первых порах составляли иностранцы. Стрельцы в течение всей второй половины XVII в. крайне ревниво относились к «райтарам и солдатам», содержание которых, по мнению стрельцов, поглощало большую часть бюджета, и служба «с кнута» стала для них не только удачной метафорой приказного «крючка», но и жестокой реальностью.

Второй довод воевод и дьяков был банальной угрозой отправки на службу в Сибирь, на край земли, о котором в Пскове существовали самые фантастические предположения. По словам челобитчиков, приказные буквально шантажировали стрельцов следующим образом: «...будет де начнете о том об недостаточном твоем государеве жалованье на Москве ... бить челом, и вам де есть на Москве образец Сибирь, так же как ваша братья, служилые люди, с Москвы посыланы в сибирские города и меж гор в пропастьх поустроены. И о том, государь, о недостаточном твоем государеве царском жалованье тебе, государю, на Москве и пося места мы, холопы твои, не смели бити челом: боимся, государь, таких же ссылок, как, государь, природные твои государевы люди москвичи и служилые разных чинов с Москвы в ссылки поразосланы, и многие христианские души помучены, и палицами побиты, а иные в воду потоплены»²³.

Слухи о зверских расправах со служилыми людьми в Сибири были нелепостью, однако подобное умонастроение достаточно характерно для человека эпохи средневековья, перед взором которого всякая отдаленная территория представляла преддверие ада.

«Праведная надежда, благочестивый государь»

Средоточием и центром православной вселенной русского человека XVII в. была особа царя и государя всея Руси. Ход дел в

стране, нравственное состояние общества в представлении людей всецело зависели от царя. Русский царь должен был быть гораздо выше всех иностранных государей, ибо прежде всего он был благочестивым, то есть православного исповедания. Смена царствующей династии в годы Смутного времени тяжело отразилась на престиже царского имени, прежде всего в самой России. Эпоха царствования Юриковичей стала восприниматься как эталон, а подлинным «золотым веком» в исторической ретроспективе представило царствование Ивана Грозного.

С его именем теперь связывалась подлинно национальная политика: «А прежь, государь, сего блаженные памяти прадеду твоему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, служили ему государю мы ж русские люди дворяне и дети боярские и казаки и стрельцы, а Литва, государь, и немцы, райтары и солдаты у него, праведного государя, не служивали, и сам он, государь под многие государства и города войною ходил, и государства и города имал с рускими людьми, а не с иноземцы, а их государь жаловал своим государевым царским полным жалованьем без убавки»²⁴. Это было явно идеализированное представление, и в ответной царской грамоте было заявлено, что предкам царя Алексея «служили цари и царевичи, и король Арцымагнус и многие иноземцы розных государств, и король Арцымагнус и города Лифляндские многие поимал»²⁵.

Царь Алексей Михайлович, по мнению псковичей, уже не внушал трепета иностранцам. Посадский человек Никита Иевлев привез из Ивангорода слух о выставленных в Швеции на всеобщее обозрение плакатах, где были изображены шведская королева, стоящая с мечом над «праведным надежей» царем Алексеем. Если уж в челобитной на имя царя псковичи осмелились намекнуть на его недостаточный авторитет, то в не цензурных беседах они давали полную волю языку. Примечательная сцена произошла в Пскове во время чтения в городе царской грамоты от 19 мая. Казак Снякин на следствии рассказал следующее: «И как учили твою государеву грамоту пред народом

честь и до половины вычли, а народ, все православные христиане, молчали. И не выслушав до конца твоей государевой грамоты, земской староста Гаврилко Демидов и про тебя, великого государя... сказал нелепое слово, чево нам страшно и подумать. И я с своими товарищами, услышав у него, Гаврилки, такое нелепое слово, и его учели бити. И воры и мятежники, которые с ним, Гаврилкою, за него, Гаврилку, стали, и меня били не на живот, на смерть, обухами и пищальными стволами и тиннами, и замертво меня, Никифорка, вкинули в тюрьму»²⁶.

Таким образом, несмотря на то, что в Пскове 1650 г. отсутствовало табу на осуждение царя и его политики, в целом именно фигура Алексея Михайловича была безусловным лидером общественного мнения. К нему обращались с челобитной, наполненной жалобами на плохое управление городом и на ошибки во внутренней и внешней политике. Самый тон Большой челобитной не оставлял сомнений в верноподданнической позиции большинства горожан, да и задачу челобитной они видели в том, чтобы доказать, что они не изменники, а, наоборот, «прямят» государю.

Лидером общественного мнения был и дядя царя Н. И. Романов, которого псковичи просили у царя прислать «для сыску и расправы» в Псков: «...а будет ты, праведная надежа, государь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, сему нашему всемирному градцкому челобитью не поверишь..., и на милость предложи и для того подлинного дела и сыску пришли, государь, к нам в свою государеву отчину во Псков своего великого боярина Никиту Ивановича Романова, который тебе, праведному государю, о всем радеет и о земли болит...»²⁷

Сознание средневекового человека было построено на антиномиях, поэтому каждое позитивное явление социальной жизни должно было иметь изнанку, и всякому герою противостоял антигерой. Таким антигероем в России середины XVII в. был теневой правитель России Борис Иванович Морозов. С именем Морозова горожане связывали рост налогов, злоупотребления администрации. Морозов был главной мишенью участ-

ников Московского восстания 1648 г. Псковичи также были склонны связывать с ним свои беды. В челобитной на имя царя было изложено содержание «речей» шведского подданного Григория Аминова: «...как де будут немцы подо Псков, из Москвы де было быть твоему государеву боярину Борису Ивановичу Морозову на выручку, а ему де было здать Псков немцом без бою»²⁸.

Версия о предательстве Морозова ярко характеризует менталитет восставших горожан. Обычная монархическая идеология о добром царе и злых боярах в данном случае трансформировалась в миф о предателе, готовом во имя сохранения власти разрушить территориальную целостность страны. В царской грамоте от 19 мая апологии Морозова посвящен внушительный фрагмент. Дяки напомнили псковичам, что именно дядя боярина Василий Петрович Морозов «в приход свейского короля во Пскове в осаде сидел и от короля Псков отсидел». Сам же Борис Морозов, как сказано в грамоте, «будучи у нас великого государя в дядьках, отставя дом свой и приятелей, был у нас безотступно, и нам служил, и нашего государского здоровья остерегал накрепко, да и посяместа нам служит верно и о наших и земских делах радеет»²⁹.

Сравнение Большой челобитной и ответной царской грамоты позволяет иначе поста-

вить и решить многие вопросы. В возникновении и развитии восстания решающую роль сыграли конъюнктурные обстоятельства, связанные со страхами средневекового человека. Это страх голода, страх перед возможной войной, тотальное недоверие к власти. Наложившись на извечное недовольство горожан своим положением, ожидания и страхи породили всплеск эмоций, что в конечном итоге привело к мятежу. Искаженная информация подогревала недовольство и привела к формированию в сознании горожан неадекватной картины всеобщей крамолы.

Как пишет Б.А. Успенский, «для описания языка некоторого историко-культурного ареала особенно показательны конфликты, контroversные ситуации, обусловленные столкновением разных языков по отношению к одной и той же действительности и обнаруживающие вообще неадекватное восприятие одних и тех же событий...»³⁰. Дискуссия псковичей и московского правительства представляет собой другой пример, когда горожане и чиновники использовали один дискурс, но создавали разные образы действительности. Истиной в последней инстанции для восставших выступал царь, и, таким образом, идеология мятежного Пскова оказалась не в состоянии вырваться из тисков средневекового сознания.

Примечания

1. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
2. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века. Ярославль, 2000.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
4. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 29; Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639-1640 г. // Из. М., 1939. Т. 5. С. 116-117.
5. Дюби Жорж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 55-56.
6. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 243.
7. Дюби Жорж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 56.
8. Успенский Б.А. HISTORIA SUB SPECIE SEMIOTICAE // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII в.) М., 1996. С. 519.
9. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1. С. 341-342; Аграрная история Северо-Запада России XVII в. Л., 1988. С. 202.
10. Якубов К. Указ. соч. С. 362.
11. Там же. С. 355.
12. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 247.
13. Якубов К. Указ. соч. С. 343.

14. Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения // Одиссей 1993. М., 1994. С. 187.
15. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 246.
16. Якубов К. Указ. соч. С. 345-346.
17. Мятежное время: Следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. СПб.–Кишинев, 2001. С. 4.
18. Там же. С. 45, 184.
19. Якубов К. Указ. соч. С. 352.
20. Там же.
21. Дополнения к Актам историческим. Т. 3. СПб., 1848. № 36. С. 122.
22. Якубов К. Указ. соч. С. 359.
23. Там же. С. 360.
24. Там же. С. 358.
25. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 251.
26. Там же. С. 80.
27. Якубов К. Указ. соч. С. 365.
28. Там же. С. 352.
29. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 254.
30. Успенский Б.А. Указ. соч. С. 519.